

Гончарова Н. Г. [Вступительная статья: Письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. -- М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. -- С. 174. -- [Т.] V.
<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra5/ra5-1742.htm>

В годы одновременной службы в Александровском военном училище (1882--1888) возникла дружба В. О. Ключевского и Н. И. Сперанского, продолжавшаяся до смерти Н. И. Сперанского.

Сохранились только два письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому, так как и тот и другой редко надолго покидали Москву, а частые встречи и совместные прогулки по городу не способствовали оживленной переписке.

1

Многоуважаемый Николай Иванович!

Простите, что беспокою Вас просьбой, исполнение которой, боюсь, соединено с большими хлопотами. Когда я преподавал в Алекс<андровском> училище¹, для юнкеров литографировались составленные мною записки по истории². У меня уцелел от последнего издания лоскуток, который при сем прилагаю. Может быть, в складе ненужных учебных пособий уцелели экземпляры и этих записок. Если есть возможность по прилагаемому лоскутку навести справку и добыть для меня один экземпляр этих записок, Вы мне сделаете этим очень большое одолжение. Когда экземпляр найдется, потрудитесь оставить его у швейцара училища для передачи по востребованию на мое имя: я буду наведываться о результате поисков сам или через прислугу³.

Сижу безвыходно дома с неотвязчивым кашлем.

Истинно Вас уважающий и преданный Вам

4 окт. 93

В. Ключевский

2

Получив Вашу телеграмму, дорогой Николай Иванович, я изо дня в день выжидал удобной минуты, чтобы написать Вам и поблагодарить Вас за добрую память обо мне, а также и за то, что Вы и без меня не забываете моего московского жилища⁴, как мне пишут об этом мои домашние. Но при здешней комнатной температуре не всегда, когда есть досуг, удастся овладеть пером: у нас теперь пора самых сильных и устойчивых морозов. Отсрочивая письмо со дня на день, я решил наконец непременно исполнить свой долг 12 января⁵, в день нашего университетского праздника.

Я имел свои побуждения, чтобы выбрать именно этот день. На расстоянии Бог знает скольких тысяч верст и на высоте, сколько помнится, 4 тыс. фут. над уровнем моря простительно быть не только искренним, но и откровенным, не только думать, что следует, но и говорить, что думаешь. Я всегда считал Вас человеком университетским -- не по диплому⁶, а по духу, по направлению мысли и складу убеждений, а такие духовные, крестные дети университета главным образом и поддерживают его значение в обществе. Притом у нас с Вами есть и общий учитель и этот учитель -- Кавелин⁷. Я не слушал его, но по его сочинениям учился историческому мышлению и пониманию русской истории. Сегодня на меня нашло маленькое уныние: с 1865 года, когда я вступил в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы. В этот день, письменно беседуя с Вами, я как будто сижу на Малой Полянке, а Вы у меня в гостях, -- и чувствую себя менее одиноким. Значение университета не упадет, пока есть вне его люди, так сочувствующие успехам русской мысли и науки. *Gaudeamus igitur!* {Итак, будем веселиться! (лат.)}

Живу я здесь тихо и ровно. Общество, в котором мне пришлось вращаться, состоит из прекрасных людей, начиная с самого Хозяина⁸. Это маленькая морская колония, как ее здесь называют. Веду свое дело возможно проще, не ставя слишком сложных задач, но не всегда бываю доволен своим исполнением предположенной программы. Мне все кажется, что я недостаточно оправдываю встречаемое мною внимание: то представляется не вполне выясненным, другое неполно изложенным.